

Василюк Ф.Е.

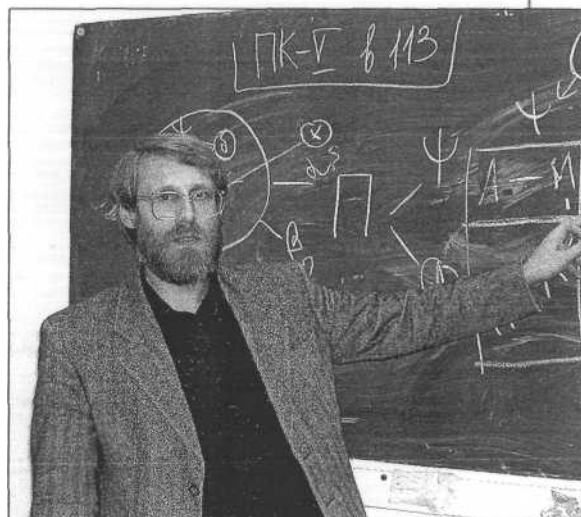
В чем сила?

Библиографическая ссылка:

Василюк, Ф. Е. В чем сила? [Текст] / Ф.Е. Василюк // Нескучный сад. – 2004. – №3. – С. 28-31.

В чем сила?

Многие утверждают, что у женщин по сравнению с мужчинами психика более гибкая, и поэтому им легче поставить себя на место другого человека, пожалеть его. Получается, что мужчины объективно устроены так, что им труднее проявить милосердие? С этого вопроса мы начали беседу с деканом факультета психологического консультирования Московского городского психолого-педагогического университета Федором Ефимовичем ВАСИЛЮКОМ.

Женщина с веслом

Вы спрашиваете, насколько сострадательность, жалостливость, способность сочувствовать свойственны мужчинам? По существу это два разных вопроса — насколько мужчины способны на эти чувства и насколько они готовы признавать их в себе. Вот, например, наворачулась у человека слеза. Женщина принимает ее как естественное проявление своей натуры. Для мужской же слезы не случайно существует литературный штамп — «скупая мужская слеза». Этим подчеркивается, что мужчина пытается сдерживать слезы, скрывать их от окружающих и даже от самого себя. У каждого человека имеется идеальное представление о том, каким он должен быть. Качества, как плохие, так и хорошие, которые не соответствуют этому идеалу, человек старается не показывать.

Известно, что в каждом обществе, в каждой культуре есть свой образ женственности и мужественности. Он изменчив и по-своему подвержен моде. В одни времена ценятся женоподобные мужчины, в другие — мужеподобные женщины. Например, в советскую эпоху царил культ атлетичных женщин — спортсменок, ударниц, общественниц. Настоящая советская женщина — это «девушка с веслом».

Если человек зависим от общественного мнения, оно будет во многом определять его «образ Я». Когда сострадательность и мягкость в мужском характере считаются «не модными», мужчина не хочет принимать их в себе.

Таким образом, представление о том, что мужчине труднее следовать заповедям в силу его психологических особенностей, не имеет под собой достаточных оснований. Считается, что простить обидчика, подставить вторую щеку мужчине труднее, поскольку это выглядит как слабость. Но для меня не очевидно, что женщина легче прощает. Ей бывает проще претерпеть, не ответить явным ударом, смириться, но часто это смирение без преобразования. Если представится физическая или социально одобряемая возможность отомстить, я не уверен, что женщина окажется милосерднее. Для меня остается вопрос — что происходит в женской душе, когда она подставляет другую щеку?

Действительно, в этой ситуации мужчина может думать, что он таким образом проявляет свою слабость. На самом же деле настоящая сила не нуждается в подтверждении. Например, человек, владеющий приемами боевых искусств, крайне редко попадает в обстоятельства, когда он вынужден их применять. Ему вполне хватает уверенности в себе, чтобы любые инциденты разрешать мирным путем. Если же на удар человек всегда реагирует ответным ударом, это, напротив, выдает его слабость и сомнение в своих силах.

Однако нельзя отменить тот факт, что для мужчины в значительно большей степени, чем для женщины, характерно стремление к состязанию, победе, лидерству. Для него не типично следовать за «мифками», которые «никого не хотят победить», он, как правило, всегда хочет кого-нибудь победить. По сути дела, это языческая уста-

новка, и она находит почву в мужском характере. Так что на поверхности доля истины в сформулированном вами утверждении все-таки есть, но в глубине — я не уверен.

Плюс капля жестокости

Часто в понятие милосердия включают способность сострадать, жалеть, утешать. Но всегда ли милосердие строится на эмоции?

Приведу пример. Тридцать лет назад у моего новорожденного сына обнаружилась какая-то инфекция, все тельце его покрылось мелкими красными гнойничками. Врачи предписали выдавливать их пинцетом и мазать зеленкой. Ни мать, ни бабушка не могли этого вынести, и делал это я. Хотя мне тоже было невыносимо жалко это маленькое существо, пришлось свою жалостливость подавлять. Для того чтобы совершился акт милосердия, необходимо сдерживать эмоции. Если для них в душе отведено слишком много места, ничего не получится.

В Священном Писании есть такие слова: «Милость и истина встретятся, правда и мир облобызаются» (Пс. 84, 11). Бывает милость без правды, без реальной пользы. Тогда она вырождается в пустую эмоцию, в жалостливость. Но бывает и правда без сердечного чувства, и мы видим тогда сухое, рациональное, безлюбное добро. Не это ли имел в виду Гоголь, когда говорил — «грусть от того, что не видишь в добре добра»?

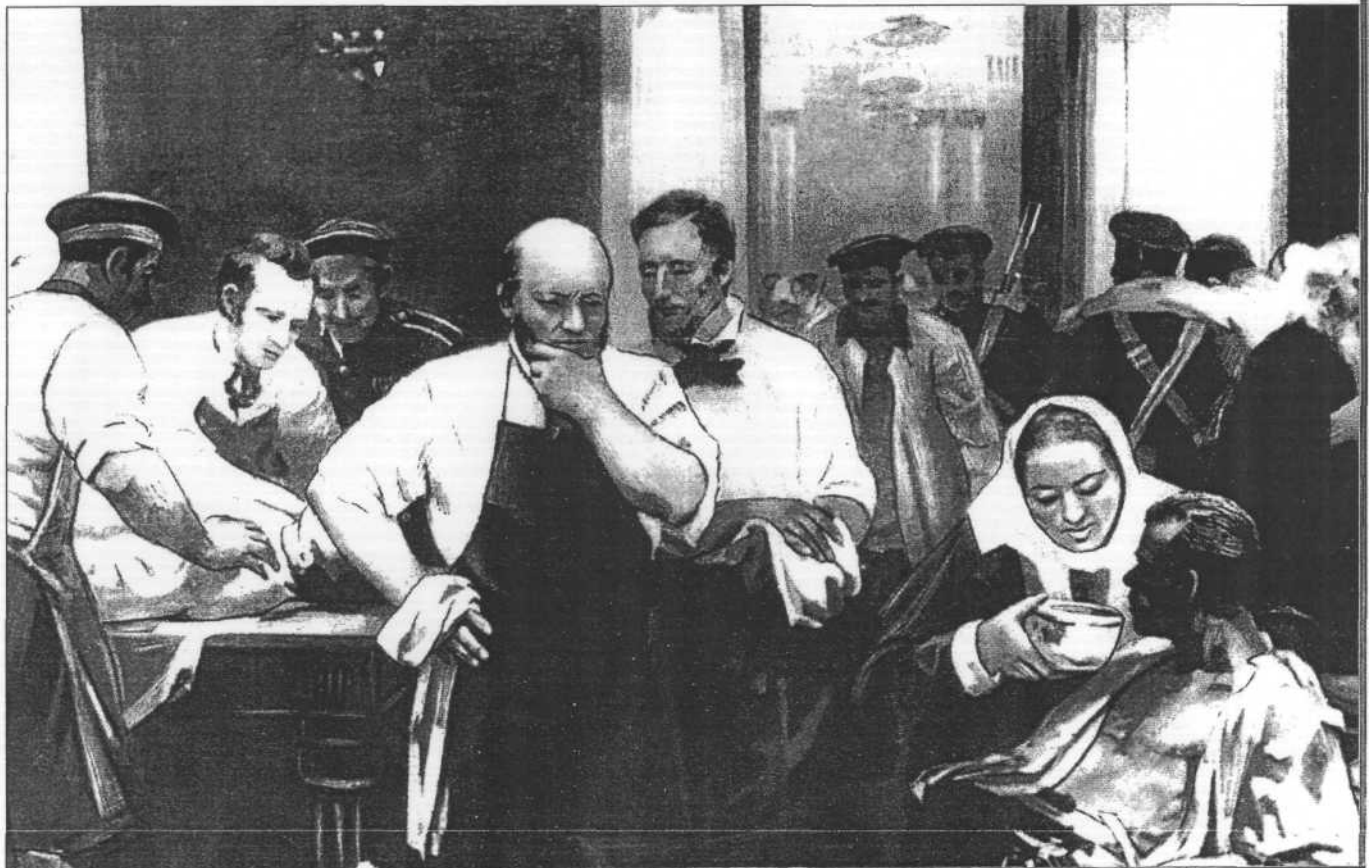
В чем же разница «мужского» милосердия и «женского»? В той или иной степени все в мире

можно отнести к мужскому или женскому роду. Третьего рода в жизни не существует. Если взглянуть с этой точки зрения на понятия «жалость» и «правда», то интуитивно жалость попадет в женский ряд, а правда — в мужской. (Разумеется, это не означает, что все мужчины правдивы, а женщины — жалостливы.) А милосердие, на мой взгляд, это союз правды (пользы) и милости (чувства), мужское и женское начала должны гармонично соединиться в нем. Есть плохие «женские» формы милосердия, в которых доминирует жалостливость. Тогда получаются, простите, одни «слюнки». Есть и плохие «мужские» формы, когда остается только один суровый долг, строгая обязанность.

Надо сказать, что в Библии слово «милосердие» употребляется, как правило, по отношению к Богу, а не к человеку. Существует, например, устойчивое выражение — «великое милосердие Божие». В Боге нет раздвоенности на мужское начало и женское. Таким образом, милосердие — это свойство совершенной целостной Личности.

В 80-х годах у меня вышла книжка под названием «Психология переживания». С ней случился забавный казус, связанный, кстати, с нашей темой. Она была уже набрана, когда появился донос, в котором говорилось, что в ней содержится религиозная агитация и пропаганда. Меня вместе с редакто-

Русский врач Н.И. Пирогов (на рис. — в центре), по инициативе которого была создана первая община сестер милосердия, считал, что «уже один вид женщин, помогающих страждущим, утешителен для них»

ром, как положено, вызвали в партком, а там постановили назначить нового рецензента. Прочитав текст, он потребовал повсюду изъять слово «милосердие», имевшее, на «советский» взгляд, подозрительный религиозный оттенок, и заменить его словосочетанием «служение людям». Однако по невнимательности рецензента в одном месте слово «милосердие» все-таки осталось...

Так вот, в книге анализируется роман «Преступление и наказание». Помните знаменитую сцену, в которой Раскольников открывает свою душу Соне Мармеладовой? Она выслушивает его исповедь, и это оказывается решающим для будущего покаяния героя и его преображения.

«Что вы над собой сделали?» — с болью говорит Соня и обнимает Раскольникова. Она призывает его пойти на перекресток, поцеловать землю, которую тот осквернил, поклониться на все четыре стороны и сказать: «Я убил!» «Тогда Бог опять тебе жизни пошлет». Прояви она только сострадание и жалость, т.е. милость без правды и справедливости, он остался бы со своим преступлением, и Соня стала бы его соучастником. Они понесли бы один грех, их охватило бы одно душевное расстройство.

Если бы она справедливо осудила его, то он оказался бы отвергнутым и тем единственным человеком, которому доверился. Это разделило бы их навсегда. Но ее подвиг, ее творчество, ее милосердие состояло в том, что ей удалось соединить в своем порыве одно и другое — немыслимое по масштабам женское, материнское принятие и совершенно твердое, решительное, «мужское» утверждение истины — «иди, объяви...». Именно это и необходимо для исцеления души.

Милосердие предполагает известную крупичку жесткости, которая со стороны может даже показаться жестокостью. Так горькую приправу нередко добавляют в блюдо, но это делает его вкус полнее и богаче.

Мать, отец и сестра

Возвращаясь к оппозиции «мужское-женское», надо заметить, что женское (жалость) означает еще и материнское, а мужское (жестокость, правда), соответственно, отцовское начало. У Эриха Фромма есть довольно точное, как мне кажется, различение материнской и отцовской любви. Материнская любовь безусловна — «я тебя принимаю по самому факту твоего бытия и люблю, каким бы ты ни был». Отцовская любовь — это, напротив, любовь по заслугам. «Хорошо учишься, правильно поступаешь — тогда люблю». В жизни, разумеется, это встречается в той или иной пропорции, но сама логика такова.

В целом каждый человек нуждается и в том, и в другом. Ему недостаточно одного абсолютного принятия, ему необходимы и оценки, и критические суждения. Я спрашивал у многих детей, нужно ли

ребенка иногда наказывать? И всякий раз слышал ответ: «Иногда нужно». В отличие от некоторых слишком либерально настроенных взрослых ребенок сам интуитивно чувствует, что ему требуется какой-то внешний контроль.

Что такое «отцовский подход»? Вот история, которую рассказал мне академик Владимир Михайлович Мунипов — один из основателей эргономики в нашей стране. Много лет назад он с коллегами проектировал в Институте дизайна такси для инвалидов. Когда проект был готов (такси, кстати, признали одним из лучших в мире, но в России оно оказалось никому не нужно), Владимир Михайлович задался вопросом: а как инвалид доберется до такси? Тогда он решил посоветоваться с одним молодым человеком, инвалидом, заточенным в четырех стенах, и в разговоре узнал, что в инвалидной коляске не то что до такси, даже по квартире передвигаться трудно (проемы узкие, комнаты тесные), а в туалет, например, без посторонней помощи вообще заехать невозможно.

После этой беседы Владимир Михайлович подключил архитекторов, и они спроектировали квартиру для инвалида в коляске, а тому конкретному парню сделали перепланировку всех комнат и санузла, чтобы он мог обслуживать себя сам.

Мне кажется, это замечательный пример милосердия «мужского» типа. Женщина скорее пожалела бы инвалида, может, даже сама стала бы ухаживать за ним, но таким образом возник бы риск оставить человека беспомощным, т.е. в каком-то смысле ребенком. Мужское, отцовское милосердие делает его самостоятельным, независимым, дает ему уверенность, силу, стимул для роста.

Мне рассказывали, как однажды бывший декан факультета психологии МГУ Евгений Александрович Климов позвонил тяжело заболевшей преподавательнице факультета (у нее была серьезная проблема с ногами): «Можно я к вам заеду?» Приехал, молча достал инструменты и соорудил в коридоре такие поручни, которые позволяли ей перемещаться без костылей. Сделал и уехал — без сантиментов. Это тоже яркий пример «мужского» милосердия.

При этом некоторые профессии, такие как, например, медсестра, нянечка, сиделка, воспринимаются исключительно как женские. Языковая интуиция подсказывает, что словосочетание «брат милосердия» несколько режет слух. Видимо, есть ситуации, в которых женская, материнская, сестринская позиции более востребованы. Заметьте, мы говорим именно «сестра милосердия». Почему?..

В притче о милосердном самарянине Христос отвечает на вопрос «кто мой ближний?», и ответ Его парадоксален. Он не говорит, как человеку узнать, кто его ближний. Он говорит иначе — соверши акт милосердия, стань сам ближним, и тогда ближний появится у тебя!

Милосердие ломает условности и социальные границы. Самарянин не имел права даже общаться

с иудеем, но стал для него ближним, причем в самом точном значении этого слова. Может быть, поэтому мы говорим: «сестра милосердия»? Милосердие сближает, роднит, преодолевает любые барьеры, и в этом его удивительная особенность.

Нам часто кажется, что милосердие — это некий моральный, духовный избыток, нечто большее, чем «норма» жизни. Да, милосердие прекрасно, но это роскошь, мы не очень-то ждем его друг от друга, воспринимая отчужденность как нечто само собой разумеющееся. Однако, ощутив его однажды, мы открываем настоящую норму, о которой в суете жизни, пронизанной эгоизмом, забыли. Мы забыли, что все мы родные, все братья. В одной из проповедей на «Исцеление расслабленного» владыка Антоний Сурожский говорил так:

«...В этом была сила ранней христианской общины; каждый человек был другому свой, не было чужих, не было пришедших, а были только люди, которые были друг другу дороги — дороги один другому, как член тела дорог всему телу...

Разве трудно и нам так друг ко другу отнестись, если мы только вспомним, что мы друг другу свои, родные! Аминь».

Беседовала Инна КАРПОВА

Для христиан одним из самых ярких примеров милосердия является притча о милосердном самарянине, рассказанная Христом. Ближним человеку, пострадавшему в пути от разбойников, оказываются не соплеменники — священник и левит, а представитель презируемого самарийского народа, оказавший ему милость. На иконе в виде милосердного самарянина изображен Сам Христос

